УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/50/6

И.С. Морозова, Е.А. Смольянина

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ А.ДЖ. ГРЕГОРА «КОРНИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ»)

Политическая научная метафора как отражение персонологического знания ученого рассматривается на материале научной статьи американского политолога А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии». В результате анализа выявлены авторские метафоры, отражающие уникальность точки зрения исследователя. Реконструированы модели авторских метафор, репрезентированных в проблемно-гипотетическом, обосновывающем и выводном субтекстах научного текста, а также модель авторской концепции. Результатами исследования являются метафорические модели Революционная идеология – это Человек, Революционная идеология – это Мир Неживой Природы, Революционная идеология – это Животное, Революционная идеология – это Артефакт, Революционная идеология – это Религия и Революционная идеология – это Математика.

Ключевые слова: *персонологическое знание, научная метафора, политический дискурс, субтекст научного текста, модель метафоры.*

Познающая личность находится в центре внимания научных исследований на протяжении многих десятилетий. Интерес к ней особенно возрос в кризисные времена из-за осознания угрозы (военной, демографической, экологической, этнокультурной и т.п.) человеку как таковому [1. С. 35]. Зародившись в философии, этот интерес проявляется в поиске ответов на вопросы о природе человека, его связи с окружающим миром, способах познания, проявления личностного начала в познании, тексте и дискурсе. Как известно, на протяжении длительного времени субъект элиминировался из результата познавательной деятельности [2]. Однако постепенно стало ясно, что субъективный фактор не может быть устранен из научного познания, и место старой эпистемологической парадигмы заняли новые теории, ориентированные на личность познающего субъекта (Т. Кун, А. Маслоу, М. Полани, С. Тулмин, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др.). Современная философия подчеркивает особую значимость личностного фактора в создании научной теории и рассматривает личность в качестве источника смыслообразования и смыслопонимания. Это обусловлено тем, что исследователь имеет дело с «непосредственным чувственным опытом (наблюдение, эксперимент)... и интерпретацией результатов этого опыта, фактов и гипотез (выбор позиции, точки зрения)» [3. С. 140].

Антропологический подход распространился из философии на другие гуманитарные науки, которые находятся на пути перехода к духовному универсализму и персонологизации [1]. Система знаний о личности постепенно выделилась в самостоятельную междисциплинарную область исследования – персонологию (Э. Мунье, Г. Мюррей, А.В. Петровский и др.). В современной

лингвистике понимание многих явлений также оказалось невозможным без обращения к личности, что привело к появлению новой области научного познания – лингвистической персонологии, исследующей языковую личность. Термин «языковая личность» впервые встречается в 1930 г. в труде В.В. Виноградова «О художественной прозе». Помимо этого, идею личностного начала развивали В. Гумбольдт, В. Вундт, Б. Куртене и Л.В. Щерба, однако наиболее полно понятие языковой личности было раскрыто Г.И. Богинным [4] и Ю.Н. Карауловым [5]. На современном этапе исследуются такие психо-личностные аспекты познающего субъекта, находящие выражение в речевой деятельности, как эмоционально-коммуникативная ориентированность, направленность мотивации, способ формирования и формулирования мысли и т.п. (Т.Н. Калентьева, А.А. Сергеев, М.М. Смирнова, Л.А. Хараева и др.).

Одним из актуальных направлений, развивающихся на стыке лингвистики и персонологии, является изучение персонологического, или личностного (по М. Полани), знания посредством интерпретации персонотекстов, относящихся к различным типам дискурсов. Понятие «дискурс» вошло в научный обиход в 70-е гг. XX в. в связи с развитием когнитивной лингвистики. Выделяют различные подходы к определению этого понятия. В данном исследовании дискурс трактуется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [6. С. 136]. Такая трактовка дискурса как «текста, который понимается (мыслится) с учётом социальных, ситуативных, коммуникативных, культурных и иных условий (предпосылок) его порождения (создания) и функционирования» [7. С. 20–21] определяет цель дискурсивного анализа – интерпретация текста, основанная на экстралингвистическом контексте, включая связи с другими текстами, прагматические установки и когнитивные процессы текстопорождения [8].

В связи с тем, что данное исследование посвящено персонологическому знанию, которое отражает уникальные качества индивида – автора текста, текст рассматривается нами как персонотекст, или антропотекст. Персонотекст – это не просто «реализация какого-либо сообщения на конкретном языке, а сложное устройство, хранящее многообразные коды и способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые <...> трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [9. С. 45–53].

Одним из способов репрезентации персонологического знания является концептуальная метафора. До настоящего времени концептуальная метафора в политическом дискурсе исследовалась преимущественно на материале публицистических текстов (А.Н. Баранов, Т.С. Вершинина, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Т.В. Таратынова, А.П. Чудинов, К. Burke, P. Chilton, P. Dvořák, M. Edelman, R.L. Ivie, G. Lakoff, V. Ottati, A. Musolff, K. Tanaskovic и др.), в которых она выполняет функцию управления массовым сознанием (персуазивную, манипулятивную, риторическую, прагматическую, структурирующую и т.п.) и выступает в качестве терминистического экрана (термин К. Берка), задающего нужные рамки восприятия информации. Анализ работ по политической метафоре не выявил исследований, посвященных особенно-

стям метафоризации в политических научных текстах, что и обусловило необходимость проведения данного исследования концептуальной метафоры как способа репрезентации персонологического знания в политическом научном дискурсе и повлияло на выбор материала исследования, которым стала научная статья А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии».

Отметим, что в исследовании вслед за В.А. Масловой мы придерживаемся широкого понимания политического дискурса. Политический дискурс в широком смысле включает такие формы коммуникации, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: автор, адресат или содержание текста [10]. Такой подход позволяет рассматривать научные тексты, посвященные политическим объектам и процессам, в качестве одной из разновидностей политического дискурса. Таким образом, анализируемая научная статья на политическую тему относится к политическому научному (политологическому) дискурсу. Ей присущи следующие свойства: характер ситуации дискурса, т.е. деятельности в определенной специальной сфере, специальное образование участников дискурса и освоение значения термина [11]. Так, в статье анализируется старое научное знание о революции и создается новая концепция о причинах ее возникновения. Участниками дискурса являются ученый А.Дж. Грегор и научное сообщество, обладающее научным знанием об исследуемой проблеме. Понимание концепции А.Дж. Грегора предполагает освоение значений и смыслов терминов, различаемых по параметру конвенциональности и персонологичности и соотносимых со старым и новым знанием.

Итак, политические объекты могут находить отражение как в политическом публицистическом, так и политическом научном дискурсе. Как уже отмечалось, основной функцией публицистического дискурса является манипуляция воззрениями целевой аудитории, а научного – обоснование выдвигаемой концепции в научном сообществе. На основе этого полагаем, что способы репрезентации и оязыковления политических объектов в публицистических и научных текстах должны иметь разный характер, поскольку репрезентация моделей объектов обусловлена целеполаганием как главным дискурсообразующим фактором. Вероятно, метафорические модели политического научного дискурса будут иметь более обобщенный характер в силу научного мышления исследователя и оперирования абстрактными формами представления знания, отражающего результаты научного познания. Кроме того, хотя политическая научная метафора и обусловлена природой политического дискурса как знаковой деятельности по производству научных знаний в политической сфере, она является средством репрезентации персонологического опыта исследователя, характеризующегося «уникальностью, неповторимостью личностным характером, оценочностью, эмоциональным характером» [3. С. 635]. Иными словами, персонологическое знание проявляется в использовании ученым доминирующих в конкретном тексте метафорических моделей, обеспечивающих развитие смысла на всех этапах научного познания.

Наиболее вероятно, что ключ к основным авторским метафорам исследуемого научного текста и, соответственно, к персонологическому знанию его автора содержится в заголовке. Так, в названии статьи «*The Roots of Revolutionary Ideology*» легко заметить контраст между базовым (*‘the part of a*

plant that grows under the ground, through which the plant gets water and food' [12]) и контекстуальным (*'the essential part or element'* [13]) значением метафорической единицы *roots*. То есть основой метафорической идеи и переноса значения лексемы *roots* является сходство двух концептуальных областей: *'политическая сфера'* (область мишени) и *'царство растений'* (область источника). По аналогии с растением у идеологии выделяется глубинная часть, которая питает и укрепляет ее. Итак, на основе фитонимной символики и использования концептуальной метафоры ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА – ЭТО ЦАРСТВО РАСТЕНИЙ в названии статьи можно предположить, что понятийная сфера природы послужит ключом к пониманию главной мысли автора.

Целью работы является реконструкция авторских метафорических моделей политического научного текста, отражающих персонологическое знание ученого-политолога о революции и смежных понятиях. Для выявления личностных смыслов в политическом научном тексте используется индивидуально-герменевтический подход [14]. Материалом исследования послужила научная статья А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии» из его монографии «Марксизм, фашизм и тоталитаризм: главы из интеллектуальной истории радикализма» [15]. Данная научная статья представляет интерес, поскольку А.Дж. Грегор является одним из ведущих политологов университета Беркли, и его личность оказала и до сих пор оказывает большое влияние на западные научные и политические умы. Исследование дискурсивного пространства научной статьи А.Дж. Грегора и попытка воссоздать ментальный мир автора, репрезентированный в концептуальной метафоре, позволит, по нашему мнению, внести вклад в развитие теории политического дискурса. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: определить ключевые понятия исследования; проанализировать метафоры и реконструировать авторские метафорические модели знания, представленного в научной статье А.Дж. Грегора; выявить авторские метафорические модели, характерные для различных этапов познания.

Метафора находится в фокусе внимания исследователей на протяжении двух тысячелетий. Подходы к ее изучению усложнялись и углублялись по мере развития науки. Традиционный подход к изучению метафоры как риторической фигуры берет начало в трудах Аристотеля [16]. Этот подход принято противопоставлять когнитивной теории метафоры, основоположниками которой считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон [17]. Однако идеи, сходные с изложенными в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, высказывались и ранее. Так, Дж. Вико настаивал на первичности метафорического смысла по отношению к буквальному [18]. Ф. Ницше утверждал, что метафора – это все, так как человек обладает не знаниями о вещах, а лишь метафорами вещей [19]. П. Фонтанье указывал на то, что в основе всех тропов, включая метафору, лежит взаимодействие двух идей [20]. Мысль о взаимодействии двух идей в метафоре также развивали английский ученый А. Ричардс, американские исследователи М. Блэк, М. Бирдсли, Н. Гудмен, Ф. Уилрайт, французский философ П. Рикер, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет и др.

Когнитивно-ориентированные идеи высказывали и отечественные ученые: М.О. Гершельзон, В.А. Успенский, Н.В. Павлович и др. Интересно от-

метить, что термин «когнитивная метафора» встречался в работах отечественных исследователей в 80-е гг. XX в., однако он употреблялся вне когнитивной лингвистики и в ином понимании, которое, однако, в некоторой степени сходно с когнитивным подходом. Так, например, В.Н. Телия выделяла класс когнитивных метафор, служащих для обозначения абстрактных понятий. Уподобляя гетерогенное, когнитивная метафора синтезирует новое понятие и со временем начинает функционировать как нейтральное наименование [21]. А.Н. Мороховский также выделяет когнитивную метафору, которая является результатом сдвига сочетаемости признаков слов при изменении их значения от более конкретного к более абстрактному и состоит в присвоении объектам 'чужих' признаков [22]. Основные положения когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона развиваются в трудах таких отечественных лингвистов, как Л.М. Алексеева, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.А. Мишанкина, С.Л. Мишланова, А.П. Чудинов и др. Метафора рассматривается как когнитивно-дискурсивное явление, отражающее способы познания человеком в определенной области знания. Способы познания находят отражение в моделях, реконструируемых на основе интерпретации области источника и области цели [23]. Не спадающий интерес ученых к метафоре свидетельствует о ее неисчерпаемом потенциале как объекта исследования.

В данном исследовании метафора трактуется вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном как видение одного предмета в свете другого [17]. Концептуальная метафора – неотъемлемая часть научного познания и дискурса, являющегося речемыслительной деятельностью в специальной сфере, особенно на этапе зарождения новой научной теории, так как метафора представляет собой взаимодействие различных областей знания с целью получения нового знания об объекте и используется при попытках номинировать новый объект или его свойство. Таким образом, метафоризация выступает в качестве механизма развития научного дискурса, позволяющего на основе личностного осмысления старого знания создать новое научное знание. Результатом речемыслительной деятельности ученого является научный текст, в котором репрезентированы модели знания, обусловленные внутренними интенциями автора и его аксиологической системой [24]. Итак, в концептуальной метафоре раскрываются персонологичность знания как уникальный способ осмысления действительности личностью и творческая природа личности, познающей действительность через себя и себя через действительность.

Научный текст как лингвистическое образование представляет собой оболочку потенцируемого знания, которое может быть реконструировано на основе процесса метафорического моделирования знания. Метафорический термин в научном тексте открывает доступ к системе концептов, квантов знания, которые структурируются, т.е. вступают в отношения с другими концептами из различных областей знания, сохраняя при этом свою способность потенцировать едва уловимое знание. В научном тексте переплетаются различные формы мысли, виды знания, типы логики, персонологические озарения, нестандартные воззрения и т.д. Однако структура и содержание научного текста подчиняются требованиям научного дискурса и отражают все этапы познания. В научном тексте реализуются следующие этапы познания: этап

проблемной ситуации, на котором устанавливается рассогласованность фактов старого знания; проблема, на которой формулируется познавательный вопрос; этап идеи, на котором дается интуитивный ответ, этап гипотезы, на котором формулируется интуитивно-логический ответ на вопрос; этап доказательства, на котором предоставляется развернутый логический ответ; и этап вывода, на котором дается предположительный ответ. Данные этапы маркируют логику и поступательность развития научного знания и находят отражение в соответствующих субтекстах научного текста [25. С. 14]. Так, проблемная ситуация и проблема актуализируются в проблематизирующем субтексте, идея и гипотеза – в гипотетическом, доказательство гипотезы – в обосновывающем, вывод – в выводном. Под субтекстом понимается «относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов ЭС и имеющая свою целеустановку в рамках авторского замысла» [26. С. 28].

Проблематизирующий субтекст отражает своеобразный когнитивный дисбаланс, несоответствие старого и нового знания. Данный субтекст характеризуется дуальностью, поскольку содержит два объекта мысли, относящиеся к старому и новому знанию, а также удивление исследователя дисбалансом данных типов знания, который порождает проблемный вопрос, очерчивающий концептуальное поле исследования. Проблематизирующему субтексту свойственны высокая плотность бездефиниционных терминов, лексика, выступающая в функции контекстных антонимов, лексика с модальностью удивления, сложные предложения, выражающие противопоставление, а также прямые и косвенные вопросы.

Гипотетический субтекст содержит образно-логический ответ на проблемный вопрос, соотносимый, с одной стороны, с предположением как исследовательским озарением, а с другой – с логическими цепочками рассуждений, задающими вектор мысли в обосновывающем тексте. Гипотетическому субтексту свойственны авторские дефиниционные термины, аналогии, лексика с модальностью уверенности, радости и предположения, вопросно-ответные комплексы и сложные предложения, выражающие условно-следственные и причинно-следственные отношения. В этом субтексте констатируются возможные проблемы, возникающие в случае признания гипотезы доказанной.

Обоснование гипотезы представлено в обосновывающем субтексте, являющемся по сути развернутым рационально-логическим ответом на вопрос, сформулированный в проблематизирующем субтексте. Обосновывающему субтексту свойственны авторские дефиниционные метафорические термины, лексика с модальностью возможности, сложные предложения, выражающие различные логические отношения, которые способствуют доказательству / опровержению гипотезы, и вопросительные предложения. Обосновывающий субтекст сменяется выводным текстом, в котором исследователь дает окончательный ответ на проблемный вопрос. Выводному субтексту свойственна лексика с модальностью уверенности и категоричности, предложения носят утвердительный характер. Перечисленные субтексты являются полноценными составляющими научного текста, поскольку каждый из них обладает па-

раметром цельности, т.е. характеризуется соотносительностью с научной дискурсивной ситуацией. Функционально-стилистический анализ [27] научной статьи А.Дж. Грегора позволил выявить проблемно-гипотетический, обосновывающий и выводной субтексты. В проблемно-гипотетическом, сравнительно небольшом по объему (1 страница) субтексте исследователь формулирует проблему и выдвигает гипотезу исследования, используя терминологические антиномии: *moral – immoral* (моральный – аморальный), *heinous acts against humanity – eminently human* (чудовищные преступления против человечества – в высшей степени гуманный), *moral justification – rejection of “absolute” morality* (моральное оправдание – отрицание «абсолютной» морали), *eternal – relative* (вечный – относительный) и др. Гипотеза А. Дж. Грегора может быть сформулирована следующим образом: в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей представлено эмпирическое и нормативное обоснование насилия, обусловившее не только революционные изменения конца XIX – начала XX в., сопровождавшиеся геноцидом, но и появление различных видов тоталитарного режима (социализм, фашизм, ленинизм и маосизм).

Небезынтересно отметить формулирование А.Дж. Грегором проблемного вопроса в форме утвердительного предложения. Это может свидетельствовать о том, что ученый уже дал себе ответ и занял определенную концептуальную позицию в отношении морали насилия: «*Why overthrowing the present should recommend itself as moral is part of the story of the role played by normative reasoning in the twentieth century*» [15. С. 22]. Идея зла и насилия, выраженная разнообразными лексическими средствами (*overthrowing the present, abominable acts, mass murder, destruction heinous acts, violence, mayhem, death, massive destruction, aggressive intellectuals, unimaginable destruction* и т.д.), коррелирующая с идеей морального поведения (*absolute morality, a moral rationale, moral justification* и т.д.), обусловила ключевые авторские метафоры данного субтекста (*moral reasoning darkens almost the entire past century, restless forces were to animate with revolutionary ideas* и т.д.).

Аргументы в пользу выдвинутой гипотезы представлены в обосновывающем субтексте, который состоит из четырех частей, посвященных фантомам мозга в марксизме, марксистской этике и дарвинизму, К. Каутскому и дарвинистскому марксизму, а также соотношению марксизма, морали и науки. Анализируя мораль, религию и право как фантомы мозга, которые, согласно К. Марксу, возникают в результате существования определенного способа производства, А.Дж. Грегор использует много терминов, выражающих отношения зависимости: *relative, transitory, related, contingent, derivative* и др. Исследователь называет рассуждения К. Маркса неясными (*less than transparent, obscure, vague, uncertain, clarifies very little*), зашифрованными (*cryptic*) и запутанными (*patent intricacies, a tangled set of exchanges*), а саму интерпретацию и ход рассуждений К. Маркса соответственно провисающей (*slack*) и причудливо автоматическим (*quaint automaticity*).

В обосновывающем субтексте о марксизме и дарвинизме анализируется труд И. Дицгена, экстраполирующий теорию Дарвина на социально-производственные отношения. А.Дж. Грегор характеризует работу Дицгена как слабоструктурированную и неубедительную, что проявляется в использо-

вании таких метафорических выражений, как *intrinsic vagueness*, a loosely structured discussion и др. В свою очередь, относительно короткий обосновывающий субтекст посвящен теории К. Каутского. Интерпретируя его концепцию, А.Дж. Грегор прибегает к метафорическим выражениям типа *intellectual freedom seemed to be its natural climate, struggle with the external environment, social instinct was largely a product of conditions, interpretation was a product* и др. В выводном субтексте А.Дж. Грегор заключает, что марксистская концепция голословна и непоследовательна: «Marxists simply asserted» [15. С. 45] и т.п. А.Дж. Грегор особо подчеркивает, что несмотря на отсутствие эмпирического обоснования, понятия марксистской морали привлекли внимание великих умов XX в., способствуя появлению нескольких разновидностей марксизма, а в дальнейшем и элементов фашизма, социализма и ленинизма, бросивших тень на весь XX в.: «German National Socialism, Italian Fascism, and Russian Leninism... cast their shadows across the new century» [15. С. 48].

В каждом из описанных субтекстов с помощью толковых словарей [12, 13] были выявлены метафоры. Главным критерием их идентификации послужил контраст между прямым и контекстуальным значением лексической единицы [28]. Нетрудно заметить, что смыслообразующий потенциал выявленных метафор различен и, следовательно, они по-разному репрезентируют научное персонологическое знание. Существует множество классификаций метафор (Арутюнова, Балли, Гак, Ефимов, Левин, Москвин и др.), традиционно разделяющих их на узуальные (конвенциональные, мертвые, стертые) и окказиональные (авторские, инновационная, свежая). Однако до сих пор не существует формальной методики оценки узуальности / окказиональности метафорических выражений [29]. Деление метафор на конвенциональные и авторские носит преимущественно интуитивный характер и восходят к Ш. Балли [30]. Традиционно маркером конвенциональных метафор считается незаметность, автоматизм восприятия, тогда как окказиональные сближения двух семантических планов принято считать признаком недавнего возникновения метафорического выражения. В настоящем исследовании для разграничения конвенциональных и авторских метафор используется алгоритм, предложенный Г.Б. Гуриным и А.Е. Беликовой [29].

Согласно авторам данной методики критериями разграничения метафор являются наличие / отсутствие словарной фиксации метафорического выражения в толковом словаре; возможность / невозможность замены метафорической единицы неметафорическим синонимом; возможность / невозможность реализации метафорического значения в минимальном контексте; фиксация метафорического выражения в корпусе; соответствие / несоответствие концептуальным метафорам, определяющим строй языка. Отметим, что в данном исследовании к авторским метафорам относились не только случаи индивидуального совмещения области-источника и области-мишени, не имеющего конвенциональных аналогов, но и случаи индивидуального заполнения слотов в стандартном сближении двух концептуальных областей. Например, метафора *the roots of ideology* в названии статьи А.Дж. Грегора рассматривается нами как конвенциональная, так как в толковом словаре зафиксировано вторичное значение лексемы *roots*: '*the origins or background of something*' [12]. Однако она не является главным средством номинации и лег-

ко может быть заменена неметафорическим синонимом *the beginnings of ideology*. В то же время реализация метафорического значения данной лексемы вне контекста области-мишени может быть затруднена. Примером авторской метафоры может служить *slack interpretation*, поскольку толковый словарь не отражает переносное значение лексемы *slack*. Согласно словарной дефиниции *slack* означает *'loose and not pulled tight; not taking enough care to make sure that something is done well; not as busy or successful as usual in business'* [12], тогда как в данном случае контекстуальным значением лексемы *slack* является *'not convincing or believable'*. Поиск данного метафорического выражения в Corpus of Contemporary American English (COCA) также не дал положительного результата. Таким образом, метафорическое выражение *slack interpretation* квалифицировалось как авторская метафора и далее подверглось анализу по методике Г. Стейна.

Так, в результате пропозиционного анализа была сформулирована метафорическая идея, структурно представленная в виде пропозиции [MOD INTERPRETATION SLACK] – *слабая интерпретация*. Будучи одной из форм репрезентации концептуальных структур, пропозиция требует интерпретации. Для этого сравнение, лежащее в основе переноса значения лексемы *slack*, репрезентируется в виде схемы $SIM \{ \exists F \exists a, [F \text{ INTERPRETATION}]_t, [SLACK \ a]_s \}$. То есть у INTERPRETATION (*интерпретации*) есть качество *F* из области-мишени, которое имеет сходство с качеством SLACK, характеризующим объект *a* из области-источника. Четвертая ступень – это интерпретация, результатом которой является заполнение пустых слотов, обозначенных переменными *F* и *a*, для выявления аналогии между концептами. Далее выявляется аналогия, лежащая в основе переносного значения лексемы SLACK: $SIM \{ [UNCONVINCING \text{ INTERPRETATION}]_t, [SLACK \text{ STRAND/ROPE}]_s \}$. Данную схему можно трактовать следующим образом: *интерпретация неубедительна подобно тому, как веревка / провод не натянут(a)*. На основе реконструкции концептуального наложения области-источника на область-мишень для лексической единицы SLACK можно сделать следующие выводы: *неубедительность* соответствует *слабому натяжению*, *интерпретация* соответствует *веревке / проводу и т.п.*, результат *неубедительности* соответствует результату *слабого натяжения* – *не выполняет свою функцию*. Иными словами, *неубедительная интерпретация, как и слабо натянутая веревка / провод / струна и т.п., не выполняет свою функцию*. Таким образом, сферой-источником метафорического переноса значения лексемы SLACK является концептосфера «Артефакты», а метафорическая модель выглядит как ИНТЕРПРЕТАЦИЯ – ЭТО АРТЕФАКТ (ФРЕЙМ «ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ»). Подобным образом в проанализированных субтекстах были выявлены авторские метафоры, которые и обеспечивают развитие научной концепции. Количество авторских метафор в различных субтекстах представлено на рис. 1.

Рис. 1. Количество авторских метафор в субтекстах научной статьи А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии»

На рис. 1 видно, что наибольшее количество авторских метафор встретилось в обосновывающем субтексте, выступающем основой развиваемой А.Дж. Грегором научной концепции. Для большей объективности было вычислено среднее количество авторских метафор на одной странице субтекста научного текста по формуле

$$a = \frac{a_1 + a_2 + a_3 + a_n}{n},$$

где a – среднее количество авторских метафор субтекста; $a_1 - a_n$ – множество метафор субтекста; n – количество страниц субтекста. Среднее количество метафор на одной странице проблемно-гипотетического субтекста составляет 3; обосновывающего – 0,5; выводного – 1. Таким образом, на одну страницу обосновывающего субтекста приходится наименьшее число авторских метафор. Наиболее вероятно, это объясняется тем, что, анализируя идеологию К. Маркса, Ф. Энгельса, И. Дицгена и К. Каутского в обосновывающем субтексте, А.Дж. Грегор зачастую ссылается на их труды.

Как отмечалось, за основу анализа авторских метафор в данном исследовании была взята методика Г. Стейна, состоящая из пяти ступеней: определение метафорического фокуса; выявление пропозиций; выявление сходства, лежащего в основе переноса значения; выявление аналогии между концептами и, наконец, определение наложения области-источника на целевую область для лексической единицы [31]. Данная методика была дополнена контекстуальным анализом метафорического термина, поскольку смысл научной

метафоры может быть понятен лишь в контексте концепции, в которой она была создана [32. С. 11].

Для иллюстрации данной методики приведем пример анализа и реконструкции метафорической модели одной из авторских метафор, обнаруженных в научной статье А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии»: ‘...*moral reasoning* used to justify totalitarianism and the massive destruction of life and property that *darkens* almost the entire past century’ [15. С. 21]. Процедура анализа начинается с определения метафорического фокуса высказывания путем сопоставления контекстуального и базового значений лексических единиц. В данном примере был выявлен контраст между базовым и контекстуальным значением лексической единицы *darken*. Ее базовым значением является “to become darker, or to make something darker” (потемнеть или затемнить) [12], а контекстуальным – ‘to fill with sadness’ (наполнить грустью) [13]. Таким образом, данную лексическую единицу следует рассматривать как метафорическую, а поскольку она употребляется на фоне других лексических единиц с буквальным значением, то можно сделать вывод, что *darken* – это метафорический фокус высказывания. Следующей ступенью является пропозиционный анализ, в результате которого семантическая структура метафорического высказывания может быть представлена в виде ряда пропозиций: P1 [REASONING_t DARKENS_s], P2 [MOD P1 CENTURY_t], P3 [MOD REASONING_t MORAL_t], P4 [MOD CENTURY_t PAST_t]. Пропозиционный анализ позволил сформулировать следующую метафорическую идею: *Моральное обоснование омрачило прошлый век*. На следующей ступени сравнение, лежащее в основе переноса значения лексемы *darken*, репрезентируется в виде схемы SIM { $\exists F \exists a$, выражающей сходство двух концептуальных областей: области-мишени и области-источника. Согласно данной схеме существует сходство между деятельностью F из области-мишени, которую выполняет REASONING (обоснование), и действием DARKEN, (затемнять), выполняемым объектом *a* из области-источника. Четвертая ступень – это интерпретация, результатом которой является заполнение пустых слотов, обозначенных переменными F и *a*, для выявления аналогии между концептами. Аналогия, лежащая в основе переносного значения лексемы DARKEN, может быть представлена как SIM {[MAKE GLOOMY REASONING]_t [DARKEN SHADOW]_s}. Данная схема может интерпретироваться следующим образом: обоснование омрачает, подобно тому, как тень затемняет. На заключительном этапе реконструируется концептуальное наложение области-источника на область-мишень для лексической единицы DARKEN:

Данный анализ позволил сделать следующие выводы: *омрачать* соответствует *затемнять*, *обоснование* соответствует *тени*, результат *омрачения* соответствует результату *затемнения* – недостаток счастья / света. То есть *моральное обоснование омрачает весь прошлый век, лишая людей счастья*, подобно тому, как *тень затемняет объекты, лишая их света*. Итак, источ-

ником метафорической экспансии в данном примере служит концептосфера «Неживая природа». То есть *MORAL REASONING DARKENS* является природной метафорой, в основе которой лежит фрейм «Физические свойства / состояния объектов / среды» и входящий в его состав слот «Темнота». Таким образом, метафорическую модель, выражающую связь между двумя понятийными сферами, можно представить в виде **МОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ – ЭТО НЕЖИВАЯ ПРИРОДА**.

Согласно результатам анализа в проблемно-гипотетическом тексте встречаются антропоморфные и природоморфные авторские метафоры. Антропоморфные авторские метафоры представлены фреймами «Действия и поступки человека» (*revolutionary forces were to visit*), «Качества человека» (*restless forces*) и «Физиологические действия» (*intellectual labors*). Природоморфные авторские метафоры проблемно-гипотетического субтекста представлены моделями **МОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ – ЭТО НЕЖИВАЯ ПРИРОДА**, фрейм «Состояние среды» (*moral reasoning darkens almost the entire past century*) и **СИСТЕМА РЕВОЛЮЦИОННЫХ УБЕЖДЕНИЙ – ЭТО ЖИВОТНОЕ**, фрейм «Обращение с животными» (*tease elements of revolutionary belief system*). Таким образом, авторские метафорические модели проблемно-гипотетического субтекста подчеркивают убеждение А.Дж. Грегора в том, что стремление к революции заложено в природе человека: «*relolutionaries are eminently human*» [15. С. 21].

В обосновывающем субтексте почти в половине случаев употребления авторских метафор сферой-источником служит математика. А. Дж. Грегор проводит аналогию между революционной идеологией и математической функцией, значение которой изменяется в зависимости от значений других величин: *ideas were a function of time, place and circumstances*. Около трети авторских метафор обосновывающего субтекста являются АРТЕФАКТНЫМИ. Одна из них относится к фрейму «Инструменты и механизмы»: *a slack interpretation of morals and ethic*, а остальные – к фрейму «Жилище»: *forces can no longer be housed, production can no longer be accommodated in a given societies economic base*. В обосновывающем субтексте также выявлена АНТРОПОМОРФНАЯ метафора, относящаяся к фрейму «Действия и поступки человека» (*the revolutionary activity reasserted itself*) и еще одна СОЦИОМОРФНАЯ метафора, относящаяся к фрейму «Религия» (*the advent of such morality*). Таким образом, метафорическая идея обосновывающего субтекста заключается в том, что революционная идеология искусственно создана человеком (артефакт) с помощью точного расчета (математика).

В выводном субтексте встретились 4 авторские метафоры, относящиеся к одной метафорической модели: **РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ**, фрейм «Математика», слот «Математическая функция» (*stability was a function of the class beliefs; morality was a function of time, circumstance, economic imperative, and class interests; human will, and the behavior... were conceived... to be a function of "social organization..."*; *the will to revolution... is a function of the relationship between the material productive forces*). Данная метафорическая модель подчеркивает относительность революционной идеологии, которая по аналогии с математической функцией является переменной величиной.

Авторские метафорические модели научной статьи А.Дж. Грегора «Корни революционной идеологии» представлены в табл. 1.

**Авторские метафорические модели научной статьи А.Дж. Грегора
«Корни революционной идеологии»**

Субтекст	Модель метафоры	Метафорическая идея
Проблемно- гипотетический	<p>1. АНТРОПОМОРФНАЯ (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО ЧЕЛОВЕК)</p> <p>1.1. «Действия и поступки чело- века»</p> <p>1.2. «Качества человека»</p> <p>1.3. «Физиологические действия»</p> <p>2. ПРИРОДОМОРФНАЯ</p> <p>2.1. НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ)</p> <p>2.1.1. «Состояние среды»</p> <p>2.2. ЗООМОРФНАЯ (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО ЖИВОТНОЕ)</p> <p>2.2.1. «Обращение с животными»</p>	<p>Стремление к революции заложено в природе че- ловека</p> <p>Революционная идеоло- гия негуманна</p>
Обосновывающий	<p>1. СОЦИОМОРФНАЯ (РЕВО- ЛЮЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИ- ТУТ)</p> <p>1.1. «Математика»</p> <p>1.2. «Религия»</p> <p>2. АРТЕФАКТНАЯ (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО АРТЕФАКТ)</p> <p>2.1. «Инструменты и механизмы»</p> <p>2.2. «Жилище»</p> <p>3. АНТРОПОМОРФНАЯ (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО ЧЕЛОВЕК)</p> <p>3.1. «Действия и поступки чело- века»</p>	<p>В основе революционной идеологии лежит точный расчет</p> <p>Революционная идеоло- гия искусственно создана человеком</p>
Выводной	<p>1. СОЦИОМОРФНАЯ (РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕО- ЛОГИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ)</p> <p>1.1. «Математика»</p>	Революционная идеоло- гия относительна

Итак, в анализируемом научном тексте реконструированы авторские метафорические модели. 50% из них – это СОЦИОМОРФНЫЕ авторские метафоры, причем 25% авторских метафор отсылают к понятийной области математики. АНТРОПОМОРФНЫЕ и АРТЕФАКТНЫЕ авторские метафоры

представлены в равном количестве – по 20%, тогда как ПРИРОДНЫЕ авторские метафоры составляют меньшинство – 10% от общего количества авторских метафор. На основе реконструированных моделей авторских метафор можно сделать вывод, что А.Дж. Грегор противопоставляет социально-политическую жизнь природе, рассматривая революционную идеологию как искусственно созданный продукт человеческой деятельности. Реконструкция авторских метафорических моделей знания на разных этапах познания научного объекта в политическом научном дискурсе позволила получить представление о творческой персонологической деятельности ученого-политолога и внести некоторый вклад в теорию концептуальной метафоры и политического дискурса. Полученные результаты могут лечь в основу разграничения различных видов дискурсов, типов текстов и способов моделирования политического знания, а также иметь практическую ценность для лингводидактики. В перспективе в исследовании возможно привлечение более широкого материала для выявления закономерностей метафорического моделирования в политическом научном дискурсе.

Литература

1. Геляева А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2002. 307 с.
2. Поннер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 606 с.
3. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
4. Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
7. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 206 с.
8. Карамова А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика, 2013. Т. 10, №2. С. 19–23.
9. Сулимов В.А. Персона как вызов // Философские науки, 2009. № 12. С. 45–55.
10. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). С. 43–48.
11. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 68–82.
12. MACMILLAN Dictionary // www.macmillandictionary.com
13. American Heritage Dictionary // <https://ahdictionary.com>
14. Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. Oxford, 1995. P. 41–58.
15. Gregor A.J. Marxism, Fascism, and totalitarianism. Stanford, California, 2009. 402 p.
16. Аристотель. Поэтика и риторика. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2008. 352 с.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 387–416.
18. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. Москва; Киев: REFL-BOOK, 1994. 656 с.
19. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтическом смысле // Ницше Ф. Избранные произведения. / сост. А.А. Жаровский. М., 1994. Т. 3. С. 254–265.
20. Fontanier P. Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1977. 137 p.
21. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Потовалова и др. М., 1988. С. 173–204.

22. Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В. Стилистика английского языка. Киев: Вищ. шк., 1984. С. 173–174.
23. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Когнитивная лингвистика. 2004. № 1. С. 91–102.
24. Мишанкина Н.А. Прагматика научного дискурса // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015. № 2. С. 126–133.
25. Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории: Избранные труды. Пермь: Перм. ун-т: ПСИ: ПССГК, 2002. 475 с.
26. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5. С. 24–32.
27. Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 366 с.
28. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor & Symbol, 2007. № 22 (1). P. 1–39.
29. Беликова А.Е., Гурин Г.Б. Методика оценки конвенциональности метафорических выражений: от интуитивистских критериев к операциональным // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. 2012. № 1 (122). С. 44–50.
30. Bally Ch. Traité de Stylistique Française. Geneve, 1951. 332 p.
31. Steen G. Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond // CULTURE, LANGUAGE AND REPRESENTATION. 2007. Vol. 5. P. 9–25.
32. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1979. 272 с.

SPECIFICITY OF SCIENTIFIC POLITICAL METAPHOR (A CASE STUDY OF A.J. GREGOR'S SCIENTIFIC ARTICLE "THE ROOTS OF REVOLUTIONARY IDEOLOGY")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 87–103. DOI: 10.17223/19986645/50/6

Irina S. Morozova, Elena A. Smolianina, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: ismoroza@rambler.ru / elen3002@yandex.ru

Keywords: personological knowledge, conceptual metaphor, political scientific text, subtext, metaphorical model.

Previous research into conceptual metaphor in political discourse was done on media texts. The present paper deals with a political scientific text "The Roots of Revolutionary Ideology" by the outstanding American politologist A.J. Gregor. Recent years have seen the growing interest to personological knowledge represented by conceptual metaphors in personotexts from different discourses. Based on the premise that personological knowledge is manifested in original metaphors, this research aims to reconstruct Gregor's original metaphorical models at different stages of cognition. The study was carried out in four steps using the method of functional-stylistic analysis, the Pragglejaz method, Gurin and Belikova's algorithm for metaphor classification and, finally, G. Steen's methodology. First, the analysed political scientific text was broken into subtexts (problem stating, hypothetical, substantiating and deducing) correlating with different stages of cognition. Second, there were metaphors found in each of the subtexts using the Pragglejaz method for metaphor identification. Metaphors are different in terms of personological knowledge representation. Thus, they were divided into conventional and original applying Gurin and Belikova's algorithm. In the research original metaphors included both individual mapping of the source and target domains and individual filling of slots in case of conventionalised cross-domain mapping. Only original metaphors were further analysed using G. Steen's five-step methodology: finding a metaphorical focus, proposition, comparison, analogy and mapping. As a result original metaphorical models were reconstructed for each subtext: REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS A HUMAN BEING, REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS AN ANIMAL, and REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS INANIMATE NATURE in the problem stating-hypothetical subtext; REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS A HUMAN BEING, REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS AN ARTEFACT and REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS A SOCIAL INSTITUTION in the substantiating subtext; REVOLUTIONARY IDEOLOGY IS A SOCIAL INSTITUTION (MATHEMATICS) in the deducing subtext. The reconstructed models allowed concluding about Gregor's personological knowledge manifested in his metaphorical ideas at different stages of cognition. Thus, the problem is that revolutions are human, but revolutionary ideology is inhuman. Gregor hypothesises

and proves that revolutionary ideology was created by humans artificially (an artefact) using exact calculation (mathematics) and it is relative to time and circumstances. Content analysis showed that 50% of Gregor's original metaphors are SOCIOUMORPHOUS with a half of them referring to the MATHEMATICS conceptual domain. ANTHROPOMORPHOUS AND ARTEFACTUAL original metaphors have equal numbers – 20% in each group, while NATUREMORPHOUS original metaphors are the least – 10%. So, it may be concluded that Gregor opposes socio-political life and nature regarding revolutionary ideology as an artificial product of human activity.

References

1. Gelyaeva, A.I. (2002) *Chelovek kak ob"ekt nominatsii v yazykovoy kartine mira* [Man as an object of nomination in the language picture of the world]. Philology Dr. Diss. Nalchik.
2. Popper, K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and the growth of scientific knowledge]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Tul'chinskiy, G.L. (2002) *Postchelovecheskaya personologiya. Novye perspektivy svobody i ratsional'nosti* [Posthuman personology. New perspectives of freedom and rationality]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Bogin, G.I. (1982) *Kontseptsiya yazykovoy lichnosti* [The concept of language personality]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
5. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. 1st ed. Moscow: Nauka.
6. Arutyunova, N.D. (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.
7. Vasil'ev, L.M. (2012) *Obshchie problemy lingvistiki: teoriya i metody* [General problems of linguistics: theory and methods]. Ufa: Bashkir State University.
8. Karamova, A.A. (2013) Text and Discourse: Notions Correlation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 10:2. pp. 19–23. (In Russian).
9. Sulimov, V.A. (2009) Persona kak vyzov [Person as a challenge]. *Filosofskie nauki*. 12. pp. 45–55.
10. Maslova, V.A. (2008) Politicheskiy diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language games or word games?]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (24). pp. 43–48.
11. Ortega y Gasset, H. (1990) Dve velikie metafory [Two great metaphors]. Translated from Spanish. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
12. *MACMILLAN Dictionary*. [Online] Available from: www.macmillandictionary.com.
13. *American Heritage Dictionary*. [Online] Available from: <https://ahdictionary.com>.
14. Bell, V. (1995) Negotiation in the workplace: The view from a political linguist. In: Firth, A. (ed.) *The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace*. Oxford, UK; Tarrytown, N.Y., U.S.A.: Pergamon.
15. Gregor, A.J. (2009) *Marxism, Fascism, and totalitarianism*. Stanford, California: Stanford University Press.
16. Aristotle. (2008) *Poetika i ritorika* [Poetics and rhetoric]. Translated from Old Greek. St. Petersburg: Izd. dom "Azбука-klassika".
17. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
18. Vico, G. (1994) Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsii [Foundations of a new science on the general nature of a nation]. Translated from Italian. Moscow; Kiev: REFL-BOOK.
19. Nietzsche, F. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: REEL-BOOK. pp. 254–265.
20. Fontanier, P. (1977) *Les figures du discours* [The figures of discourse]. Paris: Flammarion.
21. Teliya, V.N. (1988) Metaforizatsiya i ee rol' v sozdaniy yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a language picture of the world]. In: Serebrennikov, B.A. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the world picture]. Moscow: Nauka.
22. Morokhovskiy, A.N., Vorob'eva, O.P., Likhoshester, N.I. & Timoshenko, Z.V. (1984) *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Kiev: Vishcha shk.

23. Chudinov, A.P. (2004) Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Cognitive-discursive study of political metaphor]. *Kognitivnaya lingvistika*. 1. pp. 91–102.
24. Mishankina, N.A. (2015) Pragmatics of scientific discourse. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2. pp. 126–133. (In Russian).
25. Kozhina, M.N. (2002) *Rechevedenie i funktsional'naya stilistika: voprosy teorii. Izbrannye trudy* [Speech studies and functional stylistics: questions of theory. Selected works]. Perm: Perm State University: PSI: PSSGK.
26. Bazhenova, E.A. (2009) Discourse-stylistic approach to the research of scientific texts. *Vestnik Permskogo un-ta. Seriya "Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya" – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 5. pp. 24–32. (In Russian).
27. Bazhenova, E.A. (2001) *Nauchnyy tekst kak sistema subtekstov* [Scientific text as a system of subtexts]. Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
28. Praggeljaz Group. (2007) MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor & Symbol*. 22 (1). pp. 1–39.
29. Belikova, A.E. & Gurin, G.B. (2012) A procedure for evaluating degree of conventionality of metaphor expressions: from intuition to operational criteria. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki" – Proceedings of Petrozavodsk State University. Series "Social and Human Sciences"*. 1 (122). pp. 44–50. (In Russian).
30. Bally, Ch. (1951) *Traité de Stylistique Française* [Treaty of French stylistics]. Geneva: Georg, et P., Klincksieck.
31. Steen, G. (2007) Finding Metaphor in Discourse: Praggeljaz and Beyond. *CULTURE, LANGUAGE AND REPRESENTATION*. 5. pp. 9–25.
32. Nalimov, V.V. (1979) *Veroyatnostnaya model' yazyka* [Probabilistic model of language]. Moscow: Nauka.